

«Я женат — и счастлив»

МУЗЕЙ-КВАРТИРА
Александра Сергеевича
ПУШКИНА
на Арбате

С давних времен московские старожилы хорошо знали этот дом в конце Арбата, недалеко от Смоленской площади: маленький, неказистый, неопределенного цвета (сейчас уже трудно вспомнить — какого: то ли серого, то ли желтоватого), зажатый между многоэтажными постройками начала XX века. Но на фасаде этого скучного приземистого строения была укреплена торжественная мраморная доска с бронзовым барельефом: профилем и лавровой ветвью. Врываясь в будничную городскую суету, она останавливала, притягивала, пробуждала фантазию: где-то здесь, на втором этаже, за этими маленькими окошками в далеком 1831 году жил Пушкин.

Мемориальная памятная доска была установлена в 1937 году, к столетию со дня смерти поэта. А незадолго до этого, в феврале 1936 года, на заседании Пушкинской комиссии Московского областного бюро краеведения под председательством пушкиниста М. А. Цявловского был поставлен вопрос о превращении арбатского особняка в музей. Однако шли годы, а дом оставался все той же прозаической

коммуналкой, набитой жильцами. Была в этом обидная и нелепая несправедливость. По всей стране создавались мемориальные экспозиции, посвященные поэту: в Ленинграде и в Царском Селе, в Болдине, Михайловском, Тригорском, в Одессе и Кишиневе; наконец, даже в совсем скромном селе Бернове и в Торжке, где и бывал-то Пушкин лишь проездом. А вот в Москве, где он родился, где провел детство, куда вернулся из ссылки в 1826 году, где женился, куда в конце жизни приезжал ежегодно, — в Москве мемориального пушкинского музея не было.

Столице с пушкинскими музеями вообще не везло. Весь богатейший материал с юбилейной выставки 1937 года, развернутой в Историческом музее, был передан в Ленинград. Лишь в 1961 году в одном из красивейших районов старой Москвы — на Кропоткинской улице, бывшей Пречистенке, в нарядном ампирном особняке, принадлежавшем участнику войны 1812 года гвардии прапорщику А. П. Хрущеву, была создана постоянная пушкинская экспозиция. Создана, в самом

буквальном смысле этого слова, на пустом месте — лишь благодаря той редкостной, особой, личной любви к Пушкину, которая одушевляла людей, принесших молодому музею свои дары. Без этого потока даров Государственный музей А. С. Пушкина не мог бы возникнуть.

Музей на Кропоткинской открылся четверть века назад; он рос, богател, пополнял свою коллекцию. С годами он сделался одним из самых популярных в стране литературных музеев. Но — именно литературных, только литературных. Ведь самое это здание, где Пушкин, увы, не бывал, лишено всесильного обаяния мемориальности.

А вот неказистый арбатский домик, в отличие от изящнейшего хрущевского дворца, этим неуловимым свойством обладает; он осязающ присутствием поэта, магией сознания: «Здесь жил Пушкин».

Всем давно было очевидно: в этом доме должен быть мемориальный музей.

Дата 29 августа 1972 года стала для нас, сотрудников кропоткинского пушкинского музея, знаменательной: в этот день Моссовет принял постановление, согласно которому дом № 53 по улице Арбат передавался в долгосрочную аренду Государственному музею А. С. Пушкина. Начиналось создание мемориала.

Но прежде чем рассказать об этой длительной и трудной работе, маленькое отступление. Во-первых: следует помнить, что и в дальнейшей истории дома № 53 есть драгоценные для нас страницы. В 1884—1885 годах здесь жил Анатолий Ильич Чайковский, брат великого композитора. Петр Ильич не раз бывал в этом доме и даже встречал в нем новый 1885 год. А несколько десятилетий спустя, в 1921 году, здесь, тоже на втором этаже, работал Окружной самодеятельный театр Красной Армии. На его спектаклях бывали В. В. Маяковский, А. В. Луначарский, В. Э. Мейерхольд.

Второе, о чем необходимо упомянуть, — это мемориальность самого района Арбата, Пречистенки и прилегающих к ним переулков. Здесь жили друзья Пушкина Д. В. Давыдов, П. В. Нащокин, С. А. Соболевский, Е. С. Семенова; знакомые поэта В. Я. Сольдейн, И. А. Нарышкин, семья Потемкиных; декабристы Ф. Н. Свистунов, М. М. Нарышкин, В. И. Штейнгель (в доме которого бывал К. Ф. Рылеев). В этом районе расположены дома, связанные с великими именами А. И. Герцена, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, С. Т. Аксакова, А. А. Блока, Андрея Белого, М. И. Цветаевой, М. А. Булгакова и многих других творцов отечественной культуры.

Этапы строительства пушкинского мемориала были чрезвычайно разнообразны и многосложны. Сначала предстояли длительные и отнюдь не творческие хлопоты по освобождению дома от жильцов. И лишь после этого реставраторы могли приступить к самому главному: надо было вернуть двухэтажную коробочку ее прежний, ампирный, пушкинский облик. Естественно, что за все прошедшие десятилетия дом много раз перестраивался: пробивались новые дверные проемы, залы разгораживались перегородками, переделывались лестницы, менялся облик фасада. Осыпалась лепнина, крошились мраморные подоконники.

Задача состояла в том, чтобы уничтожить следы всех этих многолетних искажений, перестроек, разрушений.

К счастью, в Московском архиве ГлавАПУ сохранились планы дома 1806 и 1836 годов — голубые листочки бумаги с чертежами фасада, флигеля, с планами застройки земельного участка, примыкавшего к дому. И еще: сохранилось главное — капитальные стены здания. Все это позволило провести реставрацию с максимально возможной точностью и тщательностью. Многие удалось восстановить, привлекая исторические аналоги: размеры и расположение комнат, лестниц, печей, мраморную облицовку подоконников и откосов окон. По деталям фасада восстановлен балкон, украшения на окнах, ризалит. Воспроизведен старинный наборный паркет. В результате реставрационных изысканий был уточнен цвет здания: оказывается, в пушкинское время оно было не желтым, как мы предполагали, а бирюзовым.

К великому нашему сожалению, реставраторы не пришли к единому мнению относительно того, как распределялось назначение комнат на втором этаже: где была гостиная, где кабинет, где спальня и пр. Отчетливо определяется лишь парадная зала — первая, самая большая, несколько вытянутая комната.

Огромная научная работа по исследованию здания и основанная на ее результатах реконструкция старого дома продолжалась несколько лет. Наконец особняк был возрожден для новой жизни.

Начался следующий этап работы. На сцену выступили экспозиционеры, художники. Однако создание экспозиции нельзя было начинать без кропотливого изучения жизни Пушкина в арбатском доме. Без осмысления того, чем стал этот дом в пушкинской судьбе.

Мы знаем, что в Москве сохранилось множество зданий — особняков, дворцов, театров, — где Пушкин бывал, где останавливался у друзей на короткое время, куда приходил в гости, где танцевал на балах. Но квартира, которую он нанимал сам, для себя, для своей семьи, где он впервые почувствовал себя дома, — одна. Арбатская квартира уникальна. Это — драгоценный памятник Москвы.

Расскажем же немного об «арбатском» периоде жизни поэта.

5 декабря 1830 года Пушкин приехал в Москву из Болдина, где улаживал свои имущественные дела перед свадьбой с Натальей Гончаровой. Он остановился в гостинице «Англия», но сразу же начал хлопотать о найме дома. 23 января 1831 года он нанял второй этаж особняка на Арбате, близ церкви Николая в Плотниках. Это двухэтажное здание с мезонином (кстати, в пушкинское время оно всеми воспринималось как очень большое, фундаментальное) было построено еще до 1812 года, сильно пострадало во время московского пожара, но уже в 1815 году было восстановлено в прежнем виде. Оно принадлежало старинному московскому семейству Хитрово. При Пушкине домом владели губернский секретарь Никанор Никанорович Хитрово и его жена, красавица Екатерина Николаевна, урожденная Лопухина. В эти зимние дни 1831 года хозяев в Москве не было: они уехали в свое имение Дроново Орловской губернии, спасаясь от холеры, посетившей старую столицу. Все переговоры о квартире Пуш-

кин вел с сестрой Екатерины Николаевны Надеждой Сафоновой.

В Центральном государственном историческом архиве города Москвы сохранилась запись в маклерской книге Пречистенской части на 1831 год о найме Пушкиным второго этажа дома Хитрово. Запись эту несколько лет назад разыскал инженер-физик С. К. Романюк, знаток старой Москвы. Несомненно, она — важнейшее документальное свидетельство мемориальности дома.

Пушкин нанял квартиру на полгода — до 22 июля. В договоре упомянут не только второй этаж, но и «к оному принадлежащие людские службы, кухня, прачешная, конюшня, каретный сарай, под домом подвал, и там же запасной амбар». «Мебель по прилагаемой описи» (опись, к великому нашему сожалению, не сохранилась) была хозяйская. Первый этаж, в котором оставалась жить экономка, предназначался на случай приезда господ Хитрово. В самом низу листа, под всеми обстоятельными, подробными условиями найма, записанными писарской рукой, с завитушками и кудрявыми росчерками, выделяется одна строчка — знакомый стремительный, неправильный, прекрасный почерк: «К сей записке 10-го класса Александр Сергеев сын Пушкин руку приложил».

Известно, что во втором этаже было пять парадных комнат. Но весь драматизм положения, в котором оказались мы, музейные работники, заключался в том, что ничего об этих пяти комнатах мы не знали. Не дошло до нас ни планов квартиры, ни сведений об ее интерьере, о мебели, которая там стояла; не сохранилось ни единого предмета из дома. Единственным свидетельством, которым мы располагаем, было воспоминание Павла Вяземского, сына Петра Андреевича, о том, как он ребенком принимал участие в венчании поэта, а «по совершении брака в церкви, отправился вместе с Павлом Воиновичем Нащокиным на квартиру поэта для встречи новобрачных с образом. В щегольской, уютной гостиной Пушкина, оклеенной диковинными для меня обоями под лиловый бархат с рельефными набивными цветочками, я нашел на одной из полочек, устроенных по обоим бокам дивана, никогда мною не виданное и не слышанное собрание стихотворений Кирши Данилова. Былины эти, напечатанные в важном формате и переданные на дивном языке, приковали мое внимание на весь вечер». Вот и все, что сохранилось в памяти десятилетнего мальчика.

Но о жизни Пушкина в доме Хитрово, вообще о московской жизни поэта в этот период — со дня приезда из Болдина 5 декабря 1830 г. до 15 мая 1831 г., когда Пушкины уехали в Петербург, — нам известно довольно много. Это было тревожное, нервное, напряженное и все-таки счастливое время. Переломное время.

В эти месяцы Пушкин почти ничего не пишет. «Нé стихи на уме теперь», — вот его собственное признание. И все-таки даже в это время, наполненное заботами об устройстве жизни, семьи, дома, он не перестает быть литератором, историком, политиком. В его письмах очень скупо, целомудренно — о жемитбе, о невесте, о любви. И очень много о литературе, политике, о журналах, о своих и чужих стихах. Переписка Пушкина зимы —

Фрагмент
экспозиции
«Московское
окружение
Пушкина».
В экспозиции
портрет
А. В. Алябьева
работы
П. З. Захарова.
Масло. 1844 год

весны 1831 года полна бесконечными разговорами о литературных новинках: о новых балладах Жуковского, о только что вышедшем романе Вельтмана «Странник», об исследовании Шевырева относительно введения итальянских октав в русское стихосложение, об очередном «шедевре» Фаддея Булгарина «Петр Иванович Важигин», который Пушкин, по его выражению, «не станет читать, а ругать все-таки будет». В феврале 1831 года поэт впервые услышал фамилию Гоголь-Яновский. Ему восторженно написал о начинающем авторе Плетнев. Пройдет два-три месяца, и они

ловит малейшие похвалы, боится надеяться на успех (даже заранее предсказывает провал) — и все-таки надеется. Однако трагедия принята более чем холодно. «Все бранят Годунова» (М. П. Погодин); «...Борис Годунов его очень слаб» (Е. А. Энгельгардт); «Галиматъя в шекспировском роде» (В. А. Каратыгин). Таков приговор публики. Ругают дружно все, и друзья и враги.

Это тупое непонимание больно отозвалось в душе поэта.

Между тем шли дни, недели — а свадьба все откладывалась и откладывалась. «Пушкин настаивал, чтобы поскорее их обвенчали. Но Наталья Ивановна напрямик ему объявила, что у нее нет денег... Много денег пошло на разные пустяки и на собственные наряды Натальи Ивановны» — так рассказывает подруга Наталья Николаевна княгиня Долгорукова. «В самый день свадьбы она (Наталья Ивановна) послала сказать ему, что надо еще отложить, что у нее нет денег на карету или на что-то другое. Пушкин опять послал денег».

За два дня до свадьбы, 16 февраля, Пушкин встретился в доме Павла Воиновича Нащокина с молодой цыганочкой Таней. На склоне лет Татьяна Дмитриевна Демьянова оставила интереснейшие воспоминания о Пушкине, одни из самых живых и личных в мемуарной пушкинской литературе. Вот что рассказывала она об этом зимнем дне 1831 года: «Запела я Пушкину песню, — она хоть и подблюдную считается, а только не годится мне ее теперича петь, потому она будто, скажут, не к добру:

*Ах, матушка, что так в поле пыльно?
Государыня, что так пыльно?
Кони разыгрались... А чьи-то кони, чьи-то кони?
Кони Александра Сергеевича...*

Пою я эту песню, а самой-то грустнехонько... Как вдруг слышу, громко зарыдал Пушкин. Подняла я глаза, а он рукой за голову схватился, как ребенок плачет... Кинулся к нему Павел Воинович: «Что с тобой, что с тобой, Пушкин?» — «Ах, говорит, эта ее песня всю мне внутри перевернула, она мне не радость, а большую потерю предвещает!..»

А на следующий день, 17 февраля, у себя на арбатской квартире Пушкин собрал человек десять-двенадцать самых близких друзей. Сюда пришли молодые люди, записные столличные франты, остряки и умники: П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, Д. В. Давыдов, Н. М. Языков, И. В. Киреевский, А. Н. Верстовский, П. В. Нащокин, брат Левушка. Почти все они — литераторы, поэты, тесный круг единомышленников.

*Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует...*

Это ощущение профессионального, творческого, цехового содружества, слитого с сердечной привязанностью, вообще чрезвычайно характерно для Пушкина.

На этом бесшабашном «мальчишнике» было весело и bestолово. Разговаривали, спорили, читали стихи, остряли, шумели. Забежал Погодин поздравить Пушкина, «пожелать добра», увидел этот дым коромыслом, услы-

Фрагмент экспозиции музея-квартиры А. С. Пушкина на Арбате

встретятся: белокурый болезненный гениальный молодой человек с хлестаковским хохолком и встревоженными глазами — и тридцатилетний прославленный мастер.

Конечно, самое важное событие творческого плана в это время — долгожданный выход в свет в самом конце 1830 года любимого пушкинского детища — трагедии «Борис Годунов». Она была написана еще в Михайловском и пять лет пролежала «в столе». Пушкин ожидал от «Бориса» самых радикальных перемен для русского театра. Он детски счастлив выходу трагедии, дарит книгу друзьям,

шал, как Баратынский и Вяземский яростно спорят о «нравственной пользе», обиделся — почему его не позвали? — и ушел.

Все были веселы в этот вечер. И лишь сам хозяин казался озабоченным и молчаливым. Его томила тревога перед резкой переменной в жизни, перед началом нового существования — вдвоем... Он пристально, с беспокойством и надеждой глядел в свое будущее. Он «говорил стихи, прощаясь с молодостью».

«На другой день, — вспоминают современники, — он был... очень весел, смеялся, был счастлив, любезен с друзьями...» 18 февраля в храме Большого Вознесения, у Никитских ворот, состоялось венчание. По рассказам вездесущего А. Я. Булгакова, в церковь посторонних «никого не велено было пускать, и полиция была для того у дверей. Почему, кажется, нет?».

После венчания в арбатском доме был устроен торжественный свадебный ужин. А 27 февраля Пушкины дали свой первый бал. И снова свидетельствует Булгаков: «Пушкин славный задал вчера бал. И он, и она прекрасно угощали гостей своих. Она прелестна, и они как два голубка... Много все танцевали... Ужин был славный; всем казалось странно, что у Пушкина, который жил все по трактирам, такое вдруг завелось хозяйство».

Итак, свадьба наконец состоялась. Началась новая жизнь, от которой Пушкин ждал многого, на которую доверчиво надеялся, которой радовался. Продолжали раздражать мысли о деньгах, ссоры с Натальей Ивановной. Но все это теперь отступило как бы на второй план. В жизнь вошло непривычное радостное чувство обретенного Дома. «Я женат — и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился». Это удивительное, умиротворенное письмо Плетневу написано через неделю после венчания — 24 февраля. С детства лишенный семейного уюта, он всю жизнь тосковал о тихой и прочной домашней пристани, о личной семейной независимости, о надежном духовном оплоте.

Теперь эта мечта, это, по выражению Анны Ахматовой, «томление по счастью» воплотилось. Поэт обрел — пусть на короткое время — приют, семью, душевный покой. И хотя мы знаем всю грядущую трагедию и ее страшный финал, и хотя «отдаленные седой зимы угрозы» звучали и в эти веселые московские дни — все же мы благодарны судьбе за то, что на тревожном, скитальческом «зимнем» пути Пушкина была эта счастливая передышка, эти месяцы «светлого существования».

Все эти события «арбатской» жизни поэта, о которых мы рассказали — вплоть до отъезда в Петербург 15 мая 1831 года, — и должны были, по нашей мысли, составить содержание экспозиции. Но потом этот первоначальный замысел стал казаться нам слишком узким, тесным. Возникло другое решение: пусть первый, «хозяйский», этаж будет посвящен сложным, многообразным взаимоотношениям Пушкина с Москвой вообще, на протяжении всей жизни поэта. А «арбатские» месяцы пусть станут лишь частью (хотя и центральной) этой обширной экспозиции, будут как бы погружены в сложную и пеструю, безграничную тему, называемую «Пушкин и Москва».

Москва — родина Пушкина. Эта истина слишком общеизвестна. И именно поэтому в нее как-то не вдумываешься. Но ведь все мы по себе знаем, что значит в жизни человека место, где он родился. Пушкин прожил в Москве первые двенадцать лет — ранние, самые важные годы, когда складываются душа, характер, привязанности, мысли. Он восхищался Петербургом, воспевал его «строгий, стройный вид». Он был привязан к своему Михайловскому. Ему хорошо работалось в пустынном Болдине. Его пленяли романтическая полуденная красота Крыма и Кавказа, украинская ночь и пестрая Одесса. И все-таки первой, самой глубокой и нежной, сыновней, детской любовью он любил именно Москву. Он мог ее ругать, возмущаться «татарским убожеством» московского общества, где царствует мнение «княгини Марьи Алексевны». Но и гневаясь, и раздражаясь на Москву, Пушкин любил ее, писал о ней, не мог жить без нее. В пятнадцатилетней разлуке, среди мелькающих впечатлений, он не мог забыть город, который воспитал его. Он с острой, ностальгической тоской вспоминает шумную забавную пестроту нестройных московских улиц, улочек, переулков, ее дворцы и деревянные сарайчики, ее воздух — воздух детства.

Мы привыкли к этим строкам в VII главе «Евгения Онегина», но ведь какой личной нежностью звучат эти хрестоматийные стихи:

*Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!*

Или черновой вариант:

*В изгнание, в горести, в разлуке,
Москва! как я любил тебя,
Святая родина моя!*

«Москва донныне центр нашего просвещения». «Московская критика с честью отличается от петербургской». «Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы». Много прекрасных, умных и любящих слов сказал поэт о старой столице. Московский театр и музыка, московские литература и журналистика, художественная жизнь, салоны, кружки, Московский университет — все это было неизменно интересно Пушкину, близко его сердцу.

Эти многообразные связи поэта с культурой и бытом древнего города прослежены в экспозиции первого этажа. Уже когда мы входим в первый, вводный зал, Москва сразу тесно обступает нас. Снизу доверху, как в маленьких старинных эрмитажах, стены увешаны городскими пейзажами.

Вспомним, как въезжает в Москву семейство Лариных:

*...вот уж по Тверской
Возок несется через ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.*

В первом зале мы старались передать именно это пушкинское ощущение полуазиатского, пестрого, прекрасного города. Суетящийся московский люд; шумное разноголосье площадей и улиц; мощные башни Кремля — и кривые переулочки с одноэтажными домишками; стройное здание дома Пашкова (ныне Библиотека им. Ленина) — и серые деревянные заборы; пышная зелень дворцовых садов и самые прозаические грядки с капустой и огурцами в центре города — вся эта кипящая, причудливая, «разнообразная и живая» жизнь огромного города запечатлена на старых акварелях и эстампах. Нам хотелось, чтобы посетители почувствовали, всматриваясь в гравюры, литографии, которым 150, а то и 200 лет, эти острые, неожиданные, насмешливые и любящие пушкинские сопоставления: будки, бабы, мальчишки, лавки, фонари, купцы, лачужки, мужики и т. д. Вот они перед нами, эти москвичи начала прошлого века: сбитенчики и извозчики, дворники и трубочисты, разносчики калачей и забредшие в город подмосковные крестьяне, торговцы квасом, молочницы. И тут же — хлыщеватые франты и грациозно манерные дамы с модных картинок. Пестрые, яркие, темпераментные жанровые картинки эти великолепно передают городской быт, дух ушедшей эпохи, хранят шум московских улиц, площадей, базаров.

В основном этот зал построен на трех сериях московских видов. Гравюры, выполненные по оригиналам Ж. Делабарта в 1799 году, передают патриархальное своеобразие допожарной Москвы — города пушкинского детства.

В 1826 году, вернувшись из ссылки, поэт увидел уже совсем другой город. Москва, возрожденная из пепла, отстроившаяся, нарядная, оживленная, более элегантная, более европейская, чем на гравюрах Делабарта, предстает в литографиях О. Кадоля (1825 г.).

И наконец, уже в 1830-х годах создана серия литографий по оригиналам Э. Гертнера. Их отличает некоторая суховатость, почти петербургская сдержанность и в то же время большая топографическая конкретность. Это именно архитектурная графика, а не городской жанровый пейзаж, как у Делабарта.

Уникален «План столичного города Москвы 1825 года», гравированный А. Афанасьевым и раскрашенный от руки акварелью. Карту города окружают четырнадцать маленьких гравюрок с изображениями наиболее замечательных московских улиц, площадей, архитектурных сооружений, многие из которых сохранились до наших дней и хорошо известны москвичам.

Экспозиция восьми залов первого этажа заселена экспонатами очень тесно. Этой уютной, живой теснотой, этим обилием картин, портретов, миниатюр, мебели, милых старых вещей — чернильниц и табакерок, ламп и подсвечников, бисерных кошельков, фарфоровых ваз, фигурок, курильниц, чубуков и пр. — нам хотелось передать именно московский характер этого музея — свободный патриархальный, нечопорный, домашний. Мы хотели, чтобы экспозиция не просто «несла информацию о событийном ряде», как пишут в музееведческих трудах, но чтобы она обступала посетителя, как бы погружала его в атмосферу давно минувшей, но родной нам эпохи. Чтобы

возникло ощущение обитаемости, обжитости этого пространства, живой его жизни.

Мебель в залах организована в небольшие уголки, как бы островки старого быта. Причем каждый зал, по нашим замыслам, должен иметь свой индивидуальный образ. Например, второй зал, самый просторный, нарядный, обставленный солнечной мебелью карельской березы, мыслится как гостиная; третий и четвертый залы, посвященные московской журналистике, — как рабочий кабинет или библиотека, с обилием письменных столов, шкафов, диванов, со множеством книг, журналов, рукописей, эстампов. Однако это не традиционная музейная типографическая квартира, а, повторю, лишь условный образ ее. Чтобы подчеркнуть эту условность, в залы введено современное оборудование: стеклянные прозрачные стенки и шкафы. «Разбивая» бытовую обстановку, эти конструкции, изящные, легкие и тактичные, создают своеобразный эффект отстраненности, вводят в старинный интерьер современные художественные ритмы.

В экспозиции нового музея более тысячи экспонатов. Среди них множество портретов. Все-таки именно они, эти изображения давно ушедшего поколения, в первую очередь останавливают внимание людей сегодняшнего дня. Мы глядяемся в лица, выражения, жесты, позы, стараемся уловить дух минувшей эпохи — и начинаем лучше чувствовать самого Пушкина, рожденного ею, погруженного в эту человеческую среду и в то же время вознесенного над нею силой гения.

Здесь и те, кого связывала с Александром Сергеевичем многолетняя дружба, и те, знакомство с кем было мимолетным. Вот «царица муз и красоты», блестящая Зинаида Волконская, хозяйка прославленного салона, талантливая поэтесса и певица. Ее величавый и в то же время несколько меланхоличный, задумчивый облик прекрасно передан на литографии с оригинала К. П. Брюллова.

А вот женщина из совсем другой среды, но тоже певица и тоже знакомая поэтесса: на автолитографии Г. Г. Гагарина среди певцов цыганского хора изображена черноглазая миловидная девушка с гитарой в руках — та самая цыганка Таня, которая пела Пушкину перед его свадьбой.

Еще одна колоритнейшая представительница Москвы — хлебосольная хозяйка громадного, для всех открытого дома у Страстного монастыря М. И. Римская-Корсакова (миниатюра 1800-х гг.). И сама Римская-Корсакова, и ее семья, ее размахистый быт, гостеприимный дом — все это типично московское явление. В официальном, чопорном, застегнутом на все пуговицы Петербурге невозможны были подобные патриархальные оригиналы. Вот именно за эту оригинальность, чудачковатость, за резкое своеобразие и гордую независимость и любил Пушкин москвичей.

И снова чисто московский персонаж — адресат пушкинских стихов, старый вельможа, меценат, владелец великолепного Архангельского князя Н. Б. Юсупов, соединяющий в себе европейскую образованность с русской широтой характера и азиатской любовью к пышности. В памяти Юсупова хранились бесчисленные «времен минувших анекдоты», которые он любил и умел рассказывать, а Пушкин жадно слушал.

Чрезвычайно интересно живописное изоб-

ражение талантливого издателя журнала «Телескоп» Н. И. Надеждина (неизв. художник, масло, 1830-е гг.). Этот портрет, недавно приобретенный музеем у потомков, — вероятно, самый «молодой» из надеждинской иконографии. Он сделан в пору наивысшего взлета журналистской деятельности Надеждина, в пору его творческого «перемирия» с Пушкиным.

Блестящая А. В. Алябьева, поражающая москвичей своей античной красотой (художник Захаров, масло, 1844 г.); бонвиван и весельчак А. Я. Булгаков (акварель К. А. Гор-

красивы. Эти тонкие, породистые интеллигентные черты — и у сестер Екатерины (акварель неизвестного художника, 1820-е гг.) и Александры (силуэт 1840-х гг.), и у старшего брата Дмитрия (акварель Н. М. Алексеева, 1848 г.). Сравнительно недавно в музей поступила акварель, изображающая неизвестного военного. После иконографического исследования удалось установить, что этот изящный темноглазый офицер — средний из братьев Гончаровых, Иван.

В залах первого этажа несколько мемориальных вещей из гончаровского имения По-

бунова, 1839 г.); сентиментальный поэт П. И. Шаликов (миниатюра 1810-х гг.); молоденькая Пашенька Вяземская, дочь князя Петра Андреевича, рано погибшая от чохотки (акварель Ф. Д. Бруни, 1835 г.); Е. М. Хитрово, добродушная и восторженная поклонница Пушкина, дочь фельдмаршала Кутузова (акварель П. Ф. Соколова, 1837 г.). Перед нами проходит вереница лиц, галерея уникальных иконографических реалий ушедшей, но вечно живущей в нашей памяти эпохи.

Конечно, особый интерес для арбатского музея представляют портреты членов семейства Гончаровых. В экспозиции два изображения тещи Пушкина, Натальи Ивановны. На акварели 1820-х годов (ее подарила музею В. Е. Гончарова, потомок семьи) мы видим еще далеко не старую женщину с красивым властным лицом. Вообще все Гончаровы были

лотный Завод, где не раз бывал Пушкин: миниатюрные портреты детей Гончаровых, гарнитур мебели в стиле «жакоб» и интереснейший экспонат — сделанный в XVIII веке восковой макет крепостного оркестра.

Вообще в музее экспонируется множество меморий, связанных с московским окружением поэта. Это и туалетный столик из дружественной Пушкину семьи Ушаковых, и вещи из подмосковного имения Вяземских Остафьево (зимой 1830—1831 гг. Пушкин два раза приезжал туда), и письменный стол Надеждина, и книги с автографами З. А. Волконской, М. П. Погодина, и многое другое.

Есть в экспозиции и один-единственный предмет, который мог находиться в арбатском доме: маленький столик, принадлежавший семье Хитрово и переданный нам их отдаленными потомками. Из этой же семьи пришли

Фрагмент экспозиции музея-квартиры А. С. Пушкина на Арбате

в музей и портрет Е. Н. Хитрово, хозяйки дома, и ее сестры Н. Н. Сафоновой. И еще один «арбатский» экспонат: небольшая акварель под названием «Вид из дома моего на улицу Арбат». Она сделана в конце 1830-х годов неким В. Н. Нечаевым. Этот наивный, дилетантский городской пейзаж очаровывает своей достоверностью. Он переносит нас на Арбат столятидесятилетней давности, по которому ходил и ездил Пушкин. Разноцветные низенькие домики с колоннами, колокольни, булыжная мостовая с каменными столбиками коновязи, экипажи, прохожие — вся жизнь старой московской улицы, увиденная внимательным и любовным взглядом арбатского жителя, проходит перед нами.

Особенно хочется сказать про книги в экспозиции. Их здесь великое множество. Ведь литературный музей, в том числе и мемориальный, это всегда еще и музей книги. В шкафах — многочисленные издания московских писателей и поэтов (В. Ф. Одоевского, М. П. Погодина, Е. А. Баратынского, Д. В. Давыдова, М. Н. Загоскина, П. А. Вяземского, А. Ф. Вельмана и др.), крупнейшие московские журналы, газеты, альманахи первой трети XIX в.

Экспозиция каждого книжного шкафа — это своеобразное маленькое музейное исследование. Здесь можно проводить специальные занятия со студентами факультета журналистики — так подробно, полно и в то же время так четко, с такой зримой, музейной выразительностью представлен здесь каждый журнал, его содержание, направление, его взаимоотношения с Пушкиным.

Есть в экспозиции и раритеты: например, уникальный пятнадцатый номер «Телескопа» за 1836 год с публикацией «Философического письма» П. Я. Чаадаева — тот самый номер, из-за которого журнал был закрыт, его издатель, Надеждин, сослан, а Чаадаев объявлен сумасшедшим.

Особым приемом — на старинных столах, под стеклом — показано величайшее богатство музея: издание и журнальные публикации пушкинских произведений, вышедших при жизни поэта в Москве.

Это все — на первом этаже. Ну, а второй, пушкинский, мемориальный — центр, сердцевина арбатского особняка? Как решается экспозиция там, в комнатах, где жил поэт?

Хочется еще раз напомнить: мы, музейные работники, оказались в истинно трагическом положении. Ведь на нас лежала великая ответственность и непомерной трудности задача: как же построить мемориальную экспозицию без единого мемориального предмета? И при полном отсутствии достоверных свидетельств современников?

В музейной практике распространен прием так называемой бытовой реконструкции, создания типологической обстановки. Можно было собрать мебель пушкинской эпохи и обстановить ею комнаты, вообразить, что именно так могла выглядеть квартира поэта. Но этот путь внушал нам недоверие. Больше того: нам казалось, что такая внешне очень симпатичная, уютная экспозиция таит в себе некую фальшь, ложь, что она будет разрушать дух мемориальности. Не лучше ли — и для истины и для пробуждения человеческой фантазии, — чтобы в этих комнатах осталось только то, что было при Пушкине, — главное, вечное:

их стены, их пространство, их, фигурально говоря, воздух. То, что видел Пушкин. То, что видело Пушкина. Это пространство хранит память о поэте. В этой пустоте как будто еще живет отзвук его шагов...

И вот мы оставили эти комнаты пустыми. То есть — почти пустыми. Это не стерильная, скучная и безликая пустота. Это ее символический музейный образ. Посетителей встречают торжественные просторные высокие залы с элементами старого декора: с великолепными ампириными портьерами на окнах, с хрустальными и бронзовыми светильниками и вазами, с блистающим наборным паркетом. И как память о Пушкине, как символ его присутствия здесь — несколько драгоценных реликвий: конторка поэта; туалетный столик Натальи Николаевны. Подлинные портреты Пушкина, созданные при его жизни художниками П. Ф. Соколовым, Н. И. Уткиным, Ж. Вивьеном; копия с тропинского масла, сделанная в 1827 году А. П. Елагиной, московской приятельницей Пушкина. И два портрета Натальи Николаевны. Вот она на акварели А. П. Брюллова (1832 г.) — юная, прекрасная, с таинственным, рассеянным взглядом немного раскосых глаз и задумчивым лбом. Вот другое ее изображение — живописный портрет работы И. К. Макарова. Он сделан через несколько лет после гибели Пушкина. Здесь она уже значительно старше, но все той же мягкой женственностью и еле уловимой грустью дышат ее черты.

В самой большой комнате второго этажа, в зале, где 17 февраля 1831 года был шумно отпразднован «мальчишник», где на следующий день состоялся свадебный ужин, а 27 февраля — первый семейный прием у Пушкиных, на стенах развешаны портреты тех, кто приходил сюда, к Пушкину: П. А. Вяземский, Денис Давыдов, В. Ф. Вяземская, П. В. Нащокин, Е. А. Баратынский, И. И. Дмитриев, С. Н. Глинка, Н. М. Языков, А. Н. Верстовский — их живописные, акварельные и графические портреты украшают зал. Он решен как гостиная, в которой как бы встречаются друзья Пушкина — его современники и люди нынешнего времени. Поэтому здесь стоит фортепьяно, звучит музыка, люди приходят на поэтические и музыкальные вечера.

...Оживленно, шумно, торопливо бежит жизнь старого Арбата — «как в реке вода». Но есть теперь на этой обновленной пестрой улице духовный ее центр, «теплая точка», — бирюзовый дом с балкончиком и узорной решеткой. Люди входят сюда доверчиво, тихо, медленно. Под светлые, спокойные звуки моцартовской музыки идут они по торжественным залам, помнящим Пушкина, по комнатам старого дома, где звучал его голос, его смех. И перед ними проходят месяцы, дни, которые были прожиты здесь поэтом — время, полное тревог, суевы, ожиданий, надежд и непривычного счастливого умиротворения.

*Я возмужал среди печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутный,
Теперь утих дремотою минутной
И отразил небесною лазурь.
Надолго ли?..*

С. Т. Овчинникова, искусствовед